УДК 930.294.321
DOI 10.30792/2949-5768-2025-10-35-43

С. С. Сабрукова

БУДДИЗМ В МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ Б. БАРАДИЙНА)

В статье рассматриваются религиозные, социальные и институциональные особенности буддизма в Монголии начала XX в. на основе неопубликованного дневника путешествий Базара Барадийна – бурятского ученого, этнографа и буддийского паломника. Дневник написан в ходе его экспедиции 1905–1906 гг. по территории Халха[1]-Монголии и Амдо (Северо-Восточный Тибет) и представляет собой редкое свидетельство буддийской жизни, зафиксированной изнутри – как в среде монахов, так и среди мирян. Цель исследования – выявить ключевые черты религиозной практики и системы образования в этот переходный для региона период, а также оценить этнографическую и научную ценность наблюдений Барадийна. В качестве материала используется рукописный дневник, созданный в рамках командировки, организованной Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии. Методология исследования включает системный подход, элементы культурной антропологии и методы историко-документального анализа. В результате выявляется сложная религиозная картина, включающая крупные монастыри, исполнявшие не только культовые, но и административно-образовательные функции; региональные различия в дисциплине и морали духовенства; политическую вовлеченность старших лам; устойчивое влияние тибетской схоластической традиции. Особое внимание уделено Урге (современный Улан-Батор), описанной как крупный буддийский и интеллектуальный центр с философскими школами, ксилографическими мастерскими и активной переводческой деятельностью. Отдельно освещаются повседневные практики верующих, позволяющие зафиксировать напряжение между официальной доктриной и живой религиозностью. Сделан вывод, что дневник Барадийна представляет собой уникальный историко-культурный источник, углубляющий понимание буддизма в Центральной Азии и вносящий оригинальный вклад в монголоведение, тибетологию и буддологию.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, Барадийн, буряты, монастырское образование, перерожденцы, Урга, религиозные практики, тибетская схоластика, дневник путешественника.

S. S. Sabrukova

BUDDHISM IN MONGOLIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BASED ON MATERIALS BY B. BARADIN)

This article investigates the features of Buddhism in early 20th-century Mongolia based on the field diary of Bazar Baradiin, a Buryat ethnographer and Buddhist pilgrim who traveled across the

Сабрукова Светлана Санджиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sabrukovasvetlana@gmail.com.

[1] Название «Халха» закрепилось за наследственным владением Гэрэсэндээ (младший сын Даян-хана), которое около середины XVI в. включало 7 из 12 халхаских отоков [Скрынникова 1988: 17].

region in 1905–1906. The aim of the study is to analyze Baradiin's observations and identify the key characteristics of religious life in Mongolian society during that period. The research also assesses the scientific and cultural value of the diary as a historical and ethnographic source. The materials of the study include the unpublished manuscript of Baradiin's diary, created during an expedition organized by the Russian Committee for the Study of Central and East Asia. The methodology combines a systems approach, elements of cultural anthropology, and historical-documentary analysis. The results of the study reveal a multifaceted picture of Buddhism in Mongolia the presence of major monastic institutions functioning as educational and administrative centers; variation in the discipline and moral standards of the clergy; active engagement of the religious elite with political power; and the preservation of Tibetan scholastic traditions in Mongolian Buddhist schools. Special attention is given to the role of Urga (modern Ulaanbaatar) as a religious and intellectual hub. The diary also documents the everyday practices of lay believers, as well as tensions between Buddhist ideals and the realities of social life. The conclusion emphasizes the value of Baradiin's records for understanding the lived experience of Buddhism in Inner Asia and their contribution to the broader field of Mongolian and Buddhist studies.

Keywords: Buddhism, Mongolia, Baradiin, Buryats, monastic education, reincarnated lamas, Urga, religious practices, Tibetan scholasticism, travel diary, Buddhist institutions.

Введение

Буддизм в Монголии на рубеже XIX–XX вв. представлял собой сложную религиозно-культурную систему, в которой пересекались элементы тибетской схоластики, местных кочевых традиций и политической практики Цинской империи. Несмотря на богатое наследие письменных и материальных источников, исследование повседневной жизни буддийских монастырей и роли религии в общественных процессах по-прежнему остается актуальной задачей как для монголоведения, так и для буддологических дисциплин. Особый интерес представляет взгляд на религиозную среду изнутри, сочетающий личный опыт, этнографическую наблюдательность и научное стремление к фиксации культурных реалий.

Одним из таких уникальных свидетельств является дневник бурятского этнографа и паломника Базара Барадийна, составленный в ходе его путешествия по Халха-Монголии, Алашани и Амдо в 1905–1906 гг.[1] Барадийн, направленный Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии, не только наблюдал религиозную жизнь региона, но и активно взаимодействовал с ламами, посещал монастыри, фиксировал религиозные обряды, социальные практики и состояния религиозной мысли в Монголии. Его дневниковые записи представляют собой важный историко-этнографический источник, позволяющий реконструировать как официальные формы буддизма (ганнидские школы, монастырская структура, культ хубилганов), так и элементы народной религиозности.

Цель настоящей статьи – анализ наблюдений Барадийна в контексте религиозной жизни Монголии начала XX в., а также оценка культурной и научной значимости его свидетельств. Задачи исследования включают выявление ключевых характеристик буддийских институтов, форм религиозной практики, взаимодействия духовной и светской власти, а также элементов живой религиозности, зафиксированных в

[1] Архив востоковедов ИВР РАН, шифр: ф. 87, оп. 1, ед. хр. 28 (далее – АВ-1). Пагинация текста полистная.

монастырской и городской среде. Методологическая основа работы сочетает системный и контекстуальный подходы, элементы культурной антропологии и историко-документального анализа.

Б. Барадийн и его путешествие по Монголии: контекст и значение дневниковых записей

Базар Барадийн (1878–1937) – одна из ключевых фигур бурятской интеллигенции начала XX в., сочетающая в себе роли ученого, общественного деятеля, педагога и буддийского паломника. Получив образование в духовных и светских учреждениях, он рано проявил интерес к сравнительному изучению религий, восточной философии и этнографии. В 1905 г. по поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии он был направлен в длительную экспедицию в Халха-Монголию, а затем в тибетский регион Амдо [Савицкий 1990: 141]. Цель миссии – сбор материалов по культуре, языкам и религиозной жизни народов региона, в т. ч. с акцентом на распространение и функционирование тибетского буддизма в Монголии.

В отличие от многих европейских путешественников и востоковедов, Барадийн был этнически и культурно близок к исследуемой среде, что обеспечивало ему доступ к монастырям, ламским собраниям, а также к неформальной информации и бытовым наблюдениям. В ходе своего путешествия он вел подробный дневник, в котором наряду с описанием маршрутов, храмов, встреч и бесед фиксировал религиозные обычаи, социальные и моральные суждения о состоянии духовенства, рассуждения о философских школах и даже бытовые детали жизни лам и мирян. Его наблюдения сочетали личный опыт паломника с позицией аналитически мыслящего ученого, что делает этот источник особенно ценным для современных исследований.

Анализ наблюдений о религиозной жизни в Урге[1] и Ван-курене[2]

Одним из центральных объектов внимания Барадийна стала Урга – духовная и административная столица Халха-Монголии, где располагались главные монастырские комплексы и резиденции крупных лам. В своих записях он детально описывает структуру буддийских учреждений города, включая Ван-курен – разветвленную сеть монастырских кварталов, где проживали ламы различного звания, специализации и происхождения. Особое внимание уделено монастырю Гандан, функционировавшему как центр философского и религиозного образования: «Гандан… считается глав-

[1] Город в условиях Монголии чаще всего не имел постоянного места в пространстве, был своеобразной «кочующей» ставкой хана, наместника или духовного иерарха. Вплоть до середины XIX в. такой снимавшейся иногда с места была даже столица Внешней Монголии – Урга (ныне – Улан-Батор) [История в трудах… 2005: 12].

[2] «Ван-Курен находится в 300 верстах на северо-запад от Урги, в 200 верстах на запад от Кяхты и в 10 верстах от левого берега реки Орхон, правого притока реки Селенги. Он расположен на северном склоне одной холмистой, безлесной пади, обращенной на восток. Этот монастырь, ставка владетельного хошунного князя Кандо-вана, представляет один из крупнейших монастырей в Халхе» [АВ-1: Л. 158]. «Хошунные монастыри в Халхе представляют собой буддийские обители, постоянно вмещающие в себя более или менее значительной число лам. В большинстве случаев они имеют всегда собственную юрту и собственный скот… свободно могут проживать на собственные средства, где бы только они не пожелали» [Позднеев 1993: 14–15].

ным местом учености, сюда направляют учеников на цаннидское обучение, здесь же происходит вручение ученых степеней» [АВ-1. Л. 38–39]. При этом Барадийн фиксирует не только официальную и идеологическую структуру буддийской жизни, но и ее повседневные противоречивые проявления. Так, он отмечает упадок дисциплины в монастырях, использование религиозного авторитета для светских целей, нарушение обетов: «Ван-курен пользуется значительной свободой: разрешается жить старухам “шабаганса” – вступившим в духовное звание на старость лет. Вопреки буддийского запрета – жить мирянам в пределах монастыря, здешний князь, как и все монгольские князья, имеет свой обширный двор в монастыре, как в своей ставке. Жителей – лам в Ван-Курене простирается до трех тысяч человек» [Там же. Л. 159]. Эти наблюдения иллюстрируют важный аспект – расхождение между нормой, провозглашаемой в учении, и реальной практикой религиозной жизни. Подобный критический, но одновременно эмпатичный взгляд исследователя позволяет воспринимать буддийскую среду начала XX в. как динамичную и неоднородную, включающую как элементы ученой традиции, так и формы обрядового и бытового благочестия, подверженные социальным политическим влияниям.

Философское образование и цаннидские школы в Урге

Существенное место в дневниковых записях Барадийна занимает описание системы философского образования, представленной в Урге в виде так называемых цаннидских школ – учреждений, специализировавшихся на изучении буддийской философии, логики и метафизики. Он отмечает, что раньше Урга воспринималась монголоязычными народами как интеллектуальный центр, соперничающий с Лхасой: «В это время духовное влияние сильно отражалось и у нас в Забайкалье» [Там же. Л. 38]. Это свидетельствует о высокой репутации местного духовного образования и роли Урги как образовательного центра, куда стекались молодые ламы из разных мест.

Учебная программа включала обязательное изучение трактатов известных буддийских мыслителей, как Жамьян-шадба (1648–1722) и Соднам Дагпа (1478–1554), а также практику диспутов – важного элемента традиции гелугпа[1]. Он также упоминает наличие ксилографических мастерских, где печатались учебные и богослужебные тексты, что говорит о развитой системе распространения знаний. Таким образом, цаннидские школы Урги оставались важным элементом религиозной инфраструктуры.

Ламы-хубилганы в наблюдениях Барадийна

Одним из ключевых аспектов буддийской практики в Монголии начала XX в., по наблюдениям Барадийна, был институт хубилганов – перерожденных лам, которые считались воплощениями буддийских святых и бодхисаттв. Б. Я. Владимирцов полагает, что из учения махаяны о бодхисаттвах развился догмат о перерожденцах, когда то или иное лицо, прославившееся своей ученостью, объявлялось перевопло-

[1] «В начале XV века Цзонкаба (1357–1419) основал ставший потом знаменитым монастырь Галдан и выступил как основатель новой, названной ге-луг-па, секты, именуемой также “сектой желтошапочников” или просто желтой… Поэтому, теперь обычно, говоря о тибето-монгольском буддизме, о ламаизме, имеют в виду именно секту ге-луг-па» [Владимирцов 1919: 18–19].

щением какого-нибудь бодхисаттвы или выдающегося ламы [Владимирцов 1919: 26–27]. Это учение получило развитие и в Монголии, и таких людей стали называть хубилганами, первым из них являлся Ургинский хутухта[1]: «С тех пор, как началось возвышение Далай-ламы в Тибете, явился в Халха-Монголии и перерожденец знаменитого тибетского историка Таранаты[2] (17 в.) – 1-й Ургинский Хутухта (современник Далай-Ламы V), который по повелению маньчжурского хана должен был почитаем всеми четырьмя аймаками Халхи. С того времени Урга начинает приобретать значение религиозного центра Монголии» [АВ-1. Л. 37–38]. Отправившись с визитом к выдающемуся монгольскому ученому ламе Дандар Аграмбе (1835–1916), он увидел еще одного перерожденца: «При нашей беседе сидело до десяти человек лам в том числе молодой халхаский хубилган, ученик старца, по имени "Дараб-Бандида[3]", один из величайших просветителей в Халхе» [Там же. Л. 95]. Этого звания могли удостаиваться не только духовные лица. Монголы из хошуна Ван-курен называли своего князя хубилганом: «Его удалые забавы поэтизируются среди подчиненных ему монголов, что наш, мол, князь не простой человек, а видимо хубилган и уничтожает всяких "шимносов" (злой дух, дьявол) в образе кабанов и др. диких зверей» [Там же. Л. 59]. Таким образом, институция хубилганов оставалась не только важным элементом буддийского мира Монголии, но и мощным политическим инструментом, влиявшим на общественные и административные процессы.

Дандар Аграмба как представитель буддийской учености

Одной из наиболее выдающихся фигур, упомянутых Б. Барадийном в его записях, является Дандар Аграмба (1835–1916). Он был известен не только как глубоко ученый лама, но и как хранитель традиций и философской мысли, ценившийся за свою скромность и мудрость. В своем дневнике он отмечает: «26 ноября отправился к Аграмба Хамбо-ламе для знакомства. Мне до сих пор еще не удалось познакомиться с этим почтенным ламой, известным по своей учености не только по всей Монголии и у бурят, но и в Тибете» [Там же. Л. 91]. При монастыре Ван-курен была типо-

[1] «Монголы имеют летопись перерождений своего великого ламы, начиная со времен Будды Шигэмуни» [Позднеев 1879: 3].

[2] Tib. 'grol ba'i mgon po – санскр. Tāranātha. Но он более известен под своим санскритским именем или еще под другим тибетским именем kun dga' snying po. Избрание «перерожденцем» именно Таранаты объясняется просто тем, что, как известно, он был активным последователем буддийской секты джонан (jo nang) в Тибете. Описание этого монастыря, так же как и местности *jo nang*, дает Тараната в своем собрании сочинении – см. коллекцию книг Цыбикова под № 15, XIII. За подобную деятельность Тараната, как говорят, был убит, а его секта подверглась гонению со стороны гэлугпинской (Цзонхавинской) секты. Далай-лама V обратил главный монастырь этой секты Prag brtan phun tshogs gling в монастырь dga' ldan phun tshogs gling. Также и печатание богатой литературы этой секты было строго воспрещено путем конфискации ксилографических досок. Поэтому в интересах гэлугпинцев было при содействии маньчжурского двора признать 1-го Ургинского хутухту как перерожденца Таранаты и объявить во всеуслышание, что знаменитый их противник изменил своей секте, переродившись в желтошапочного ламу.

[3] Имя одного знатного «святого» в Халхе, который вместе с другим святым «Дзая бандида» являются перерожденцами двух учеников 1-го Ургинского хутухты, имеют свои собственные монастыри (в Западной Халхе) с удельными людьми *шаби* и саны *хутухта* от пекинского двора.

графия, «где между прочим находились и ксилографические дощечки четырехтомного собрания сочинения упомянутого Дандара Аграмбы» [АВ-1. Л. 60]. По свидетельству Барадийна, Дандар Аграмба обладал высоким уровнем эрудиции и пользовался авторитетом как среди монахов, так и среди мирян, при этом отличаясь скромностью и отсутствием стремления к внешнему влиянию или политической роли. Он представлял собой тип «чистого ученого ламы», сосредоточенного на преподавании, комментировании философских трактатов и сохранении традиций тибетской учености в Монголии. Согласно его наблюдениям, Дандар Аграмба был тесно связан с религиозной практикой, участвуя в ритуалах и обучении молодых лам. Внешне он был похож на «того самого “белого старца”, который изображается и почитается среди бурят и монголов как бог домашнего очага» [Там же. Л. 100]. Несмотря на свой почтенный возраст, Дандар Аграмба активно участвовал в общественной жизни, стремясь сохранить буддийские традиции, включая глубокое изучение текстов и философии: «28 ноября. Был снова у ученого старца Дандар Аграмбы. На этот раз он показал мне громадную санскритскую рукопись, 8-тысячную Праджняпарамиту[1], списанную с дергеского издания[2]. Рукопись исполнена одним здешним монгольским ламой и написана ланьчой[3], тибетской транскрипцией с подстрочным тибетским переводом и представляет точную копию с оригинала. Лама имел кроме того большую библиотеку тибетских книг. У него есть полное собрание сочинений великого тибетского энциклопедиста Будона (1290–1364) и его ученика – в 30 томах, 20 из коих в рукописях. Я выпросил у старца оглавление собрания сочинений Будона, для списывания. Кроме этого, у него есть две редчайшие тибетские рукописи Blo ldan phar phyin (большое и малое толкование на paramitā[4]). Тибетцы говорят, что эти два сочинения представляют первые оригинальные тибетские толкования на paramitā. На основании этих сочинений говорят, Цзонхава сочинил свой знаменитое Gser phren (“золотые четки”) толкование на парамиту. В настоящее время эта рукопись нигде не разыскивается (не найти), несмотря на тщательные старания тибетских и бурятских библиофилов-лам» [Там же. Л. 101–102].

Таким образом, образ Дандар Аграмбы в записях Барадийна служит свидетельством того, что даже в условиях общего упадка монастырской дисциплины и нарастающего давления со стороны светской власти сохранялись очаги подлинной буддийской учености. В глазах Барадийна предстает как пример идеального духовного наставника и ученого, сохраняющего связь с глубокой буддийской традицией и обучающего новые поколения лам и мирян.

---

[1] «Праджняпарамита восьмитысячная» (Аштасахасрика Праджняпарамита) – один из самых ранних и важных текстов буддизма махаяны, посвященный совершенству мудрости (праджняпарамите). Он содержит учение о пустоте (шуньяте) и пути бодхисаттвы.

[2] Рукопись, переписанная с ксилографа, напечатанного в монастыре Дерге.

[3] Одна из индийских письменностей, абугида, развившаяся в XI в. из письма брахми. Первоначально использовалась для записи текстов на неварском языке, однако впоследствии распространилась с религиозными (в первую очередь тантрическими) текстами в монастырях Индии, Тибета, прибрежного Китая, Монголии и Японии. В Тибете также – как один из декоративных шрифтов.

[4] Это шесть взаимосвязанных действий, «переправляющих на тот берег океана существования», т. е. приводящих к просветлению; это «Освобождающие действия».

Политическая ситуация в Монголии в начале XX в.

Начало XX в. стало для Монголии временем политической неопределенности и перемен. Она находилась под контролем Цинской империи: «Урга замечательна как религиозный, административный и торговый центр Халха-Монголии. В Урге находятся административные и судебные учреждения по управлению Халха-Монголии и китайские учреждения власти, маньчжурский и монгольский амбани (последний в подчиненном положении первому) и маньчжурский дзаргучей (судья). Каждый из них имеет свою канцелярию, которая называется “ямынь”» [АВ-1. Л. 34–35]. В этот период буддизм и монастыри оставались важными не только духовными, но и политическими институтами, поэтому вся административная и юридическая власть была под контролем маньчжуров, также и канцелярия управляющего делами Хутухты (Богдийн шаганзод, тиб. phyag mdzod pa]). В обязанности управляющего входило управление буддийским духовенством и имуществом, он также являлся главным казначеем казны Хутухты [Скрынникова 1988: 59].

Маньчжуры использовали буддийскую религию как средство политического влияния и установили контроль над организацией, имевшей большую идеологическую силу. Сформировано определенное правило устройства монгольской буддийской церкви, которое было разобщено и не полностью подчинено Ургинскому хутухте. Буддийские монастыри и высокие ламы, являясь важной частью местной социальной структуры, одновременно поддерживали традиционный порядок, укрепляя авторитет цинской власти. Однако с усилением политических и социальных напряжений буддизм также столкнулся с вызовами, связанными с вмешательством внешних сил и растущими политическими амбициями монгольских правителей. Это создавало основу для внутреннего конфликта, который обострялся на фоне борьбы за независимость и формирования нового политического устройства в стране.

Заключение

Путевые записки Б. Б. Барадийна, составленные в ходе его путешествия по Монголии в 1905–1906 гг., представляют собой уникальный источник, позволяющий реконструировать особенности буддизма в Монголии начала XX в. на уровне как официальных институтов, так и повседневной религиозной практики. Основное внимание автора сосредоточено на религиозной жизни Урги – духовного центра халхаской Монголии, где находились не только главные монастыри (Гандан и Курен), но и административные структуры буддийской церкви, тесно взаимодействующие с маньчжурской и китайской властью.

Барадийн отмечает двойственный характер буддийской среды: с одной стороны, монастыри функционировали как центры образования, перевода и сохранения философских и медицинских знаний, с другой – страдали от упадка дисциплины, коррупции и нарушений монашеских обетов. Он фиксирует феномен хубилганов – перерожденцев, воплощающих религиозную легитимацию власти, а также указывает на важную роль буддийских ритуалов в жизни кочевых сообществ. Особое внимание в его наблюдениях уделено философским школам гелугпа, распространению махаяны и буддийской символике в повседневной культуре.

Научная и культурная ценность этих наблюдений заключается в глубокой включенности автора в исследуемую среду: как бурят и буддист, он обладал доступом к

религиозной и интеллектуальной элите, в то время как его подготовка как ученого позволила ему фиксировать этнографические и лингвистические детали с высокой степенью точности. Дневник Барадийна позволяет взглянуть на монгольский буддизм не как на статичную религиозную систему, но как на живой, противоречивый и исторически обусловленный феномен. Его записи представляют интерес не только для историков религии, но и для антропологов, социологов и исследователей культуры Центральной Азии.

Таким образом, труды Б. Барадийна дают возможность лучше понять буддийскую традицию в Монголии начала XX в. и рассмотреть ее в контексте политических, социальных и культурных трансформаций, происходивших на стыке империй, конфессий и цивилизаций.

Статья подготовлена при поддержке гранта Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям «Дневник Базара Барадийна (1873–1937) "Амдо-Монголия" – источник по изучению буддизма в Монголии и Тибете».

Источники Литература

Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР РАН): ф. 87, оп. 1, ед. хр. 28 (Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника – бурята по Халха-Монголии, Алашани и северо-восточной окраине Тибета – Амдо. 1905–1907).

Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии: лекция профессора Б. Я. Владимирцова, читанная 31 сентября 1919 года / Б. Я. Владимирцов. – Пг.: 12-я Гос. тип., 1919. – 52 с.

История в трудах ученых лам / сост., ред.: А. С. Железняков, А. Д. Цендина. – М.: Товарищество научных изданий, 2005. – 275 с.

Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта / А. М. Позднеев. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. – 84 с.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. – Репринтное изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 512 с.

Савицкий Л. С. Обозрение фонда Б. Б. Барадийна в собрании архивных документов ЛО ИВ АН СССР / Л. С. Савицкий // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. – М.: Наука, 1990. – С. 141–159.

Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX века / Т. Д. Скрынникова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 102 с.

References

Arhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk (AV IVR RAN): f. 87, op. 1, ed. hr. 28 (Amdo-Mongoliya. Dnevnik puteshestviya buddijskogo palomnika – buryata po Halha-Mongolii, Alashani i severo-vostochnoj okraine Tibeta – Amdo. 1905–1907).

Vladimircov B. Ya. Buddizm v Tibete i Mongolii: lekciya professora B. Ya. Vladimircova, chitannaya 31 sentyabrya 1919 goda / B. Ya. Vladimircov. – Pg.: 12-ya Gos. tip., 1919. – 52 s.

Istoriya v trudah uchenyh lam / sost., red.: A. S. Zheleznyakov, A. D. Cendina. – M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij, 2005. – 275 s.

Pozdneev A. M. Urginskie hutuhty. Istoricheskij ocherk ih proshlogo i sovremennogo byta / A. M. Pozdneev. – SPb.: Tip. brat'ev Panteleevyh, 1879. – 84 s.

Pozdneev A. M. Ocherki byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu / A. M. Pozdneev. – Reprintnoe izd. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. – 512 s.

Savickij L. S. Obozrenie fonda B. B. Baradijna v sobranii arhivnyh dokumentov LO IV AN SSSR / L. S. Savickij // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov vostoka. XXIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR. Materialy po istorii otechestvennogo vostokovedeniya. Ch. III. – M.: Nauka, 1990. – S. 141–159.

Skrynnikova T. D. Lamaistskaya cerkov' i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya XVI – nachalo XX veka / T. D. Skrynnikova. – Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1988. – 102 s.